УДК 343.1

С. Б. Россинский,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
s.rossinskiy@gmail.com

О ПОПОЛНЕНИИ СИСТЕМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕГЛАСНЫМИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫМИ ПРИЕМАМИ

Аннотация: в статье анализируются тенденции, связанные с постепенным введением в сферу уголовно-процессуального регулирования негласных познавательных приемов, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: контроль и запись переговоров; негласные следственные действия; получение информации о соединениях; следственные действия; собирание доказательств.

S. B. Rossinskiy,
Professor of the Criminal Procedure Dept.,
at Moscow State Kutafin Law University (MSLA),
Doctor of Law

ABOUT FILLING THE SYSTEM OF INVESTIGATIVE ACTIONS SECRET COGNITIVE METHODS

Abstract: the author analyzes the tendencies that consist in the gradual entry into the sphere of criminal procedural regulation of secret cognitive methods that make it possible to establish circumstances that are important for a criminal case during the preliminary investigation.

Key words: control and recording of conversations; covert investigative actions; getting information about connections; investigative actions; collecting evidence.

Потребность в успешном и продуктивном осуществлении органами дознания и предварительного следствия возложенных на них уголовно-процессуальных функций невольно побуждает законодателя к формированию целой системы правовых, в том числе юрисдикционных, механизмов, обеспечивающих накопление полезной информации, подлежащей дальнейшему использованию при обосновании правоприменительный решений. Важнейшее место среди таких механизмов, занимают следственные действия.

В настоящее время дальнейшему развитию процессуальной регламентации следственных действий присуща весьма интересная тенденция – постепен-

ное проникновение в их систему негласных способов познания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Так, в УПК РФ впервые была введена процедура контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), тогда как прежде данное мероприятие проводилось в «полулегальном» режиме, определенном законодательством об оперативно-розыскной деятельности. В 2010 г. познавательный арсенал следователя пополнился еще одним подобным правовым инструментом – получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Указанные новации сразу получили отклики в юридической литературе: многие авторитетные специалисты стали не без оснований писать о недопустимости включения подобных механизмов в систему следственных действий и даже об ошибочности их введения в сферу уголовно-процессуального регулирования[1]. Оспаривать разумность этих доводов достаточно сложно. Однако ради справедливости все же следует обратить внимание, что содержание действий, предусмотренных ст. 186 и 186.1 УПК РФ не сводится к одной лишь работе специальных технических подразделений органов дознания; каждое из них предполагает и соответствующую «следственную надстройку», состоящую в осмотре (в части контроля и записи переговоров – еще и в прослушивании) поступивших материалов, а также в их процессуализации посредством приобщения к материалам уголовного дела (ч. 7–8 ст. 186, ч. 5–6 ст. 186.1 УПК РФ). Да и вообще, несмотря на имплантацию отдельных негласных элементов, данные способы собирания доказательств остаются в исключительном ве́дении следователя, играющего основную процессуальную роль субъекта-познавателя и субъекта-распорядителя. Органы дознания осуществляют лишь техническую запись телефонных (иных) переговоров либо оказывают содействие в передаче следователю материалов, содержащих сведения о соединениях (кстати, в последнем случае их участие зачастую вообще является излишним, поскольку согласно ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ оператор связи вправе напрямую взаимодействовать со следователем). Иными словами, роль оперативных сотрудников здесь скорее уподобляется роли специалиста и заключается в содействии в обнаружении, закреплении и изъятии следов преступления, в частности посредством применения специальной «полицейской» техники. При этом ни одно из должностных лиц соответствующих подразделений органов дознания не праве исследовать, проверять, интерпретировать полученную информацию и, тем более, принимать оценочные решения о ее пригодности для использования в процессе доказывания, то есть возлагать на себе полномочия юрисдикционного характера. Все эти вопросы находятся в исключительной компетенции следователя, который осуществляет анализ представленных материалов и фиксирует в протоколе осмотра только сведения, которые, по его мнению, имеют отношение к об-

[1] См.: *Баев М. О., Баев О. Я.* УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособие. Воронеж, 2002. С. 38; *Шейфер С. А.* Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2014. № 11/1 (122). С. 14–16; *Кальницкий В. В.* Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России, опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 33.

стоятельствам уголовного дела. Ему же, следователю, принадлежит и исключительная роль в признании полученных материалов полноценными (допустимыми) доказательствами и их приобщении к уголовному делу на основании специального юрисдикционного уголовно-процессуального акта государственно-властного характера.

В таком ракурсе и контроль и запись переговоров, и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не могут полностью исключаться из единой системы следственных действий. Но в равной степени они не могут и признаваться типичными элементами такой системы, поскольку имеют комплексную, комбинированную правовую природу, выраженную в сочетании «традиционных» следственных действий с непроцессуальными познавательными мероприятиями оперативно-розыскного характера.

Кстати, схожая комбинированная природа присуща еще одной уголовно-процессуальной познавательной процедуре – наложению ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотру и выемке (ст. 185 УПК РФ). И, таким образом, все эти способы познания обстоятельств уголовного дела вполне могут быть включены в систему следственных действий, но с определенной долей условности – в части, предполагающей работу следователя и обуславливающей возникновение новых доказательств.

В любом случае предусмотренные ст. 186 и 186.1 УПК РФ механизмы в целом не противоречат сущности следственных действий и не способны причинить ощутимый вред их системе. Главное, чтобы тенденция, связанная с проникновением в досудебное производство негласных способов познания (доказывания) не вышла за пределы разумного, не привела к непоправимым последствиям. В этой связи необходимо обратить внимание, что в настоящее время в уголовно-процессуальной и криминалистической науке достаточно активно обсуждается вопрос о введении в досудебное производство полностью негласных следственных действий, а по сути – процессуализированных мероприятий оперативно-розыскного характера, подобно тому как это сделали некоторые государства, возникшие на постсоветском пространстве (Литва, Латвия, Эстония, Молдова, Казахстан, Грузия, Украина).

Многие специалисты оценивают эти идеи весьма положительно. Самые радикальные, и в какой-то степени даже провокационные, позиции здесь, как обычно, выдвигают представители так называемой нижегородской школы, ратующие за полный отказ от существующей модели досудебного производства и формирование новой, западно ориентированной (а если быть точнее, англо-американо-ориентированной) концепции предварительного расследования. Однако подобные взгляды можно встретить и в работах более серьезных ученых, которые придерживаются не популистских, а подлинно научных и взвешенных суждений, выступают за разумный консерватизм, за общее сохранение национальной системы уголовного судопроизводства. Посредством введения в сферу уголовно-процессуального регулирования негласных приемов указанные авторы пытаются расширить познавательный арсенал органов предварительного

расследования, предоставить им новые возможности для формирования доказательственного материала[1].

Другие ученые, напротив, выражают резко негативное отношение к указанной тенденции, считают ее несвойственной для исконных российских традиций досудебного производства[2].

Полностью разделяя последнюю точку зрения, мы считаем все предложения по расширению системы следственных действий за счет негласных познавательных приемов не только не соответствующими отечественной модели предварительного расследования, но и абсолютно непродуманными, противоречащими самому смыслу и назначению следственной власти. Конечно, «прогрессивный» опыт бывших союзных республик – это замечательно (хорошо бы еще при этом знать истинные причины, побудившие наших «соседей» к установлению подобных механизмов, а также быть уверенным в высоком уровне юридической образованности их авторов). Однако негласный характер таких действий полностью исключает возможность их обеспечения необходимым процессуальными гарантами, обуславливающими юридическую доброкачественность соответствующих результатов.

Наверное, в рамках настоящей публикации нет никакого смысла высказывать критические замечания в адрес средств и методов уголовно-процессуального познания, которые используются в отдельных государствах, возникших на постсоветском пространстве. В конце концов, эти страны уже почти 30 лет развиваются по собственному пути и их национальные концепции предварительного расследования уже заметно отличаются от некогда единой для всех советской модели досудебного производства.

Гораздо важнее другое – абсолютное несоответствие негласных методов собирания доказательственной информации отечественному подходу к сущности и нормативно-правовому регулированию следственных действий. Видимо, поборники подобных научных идей, стремясь слепо перенять «прогрессивный» опыт других стран, просто забывают или (что еще хуже) банально недопонимают особенности и самобытный характер системы досудебного производства, предполагающей частичное смешение функций «полиции» и «юстиции»[3]. Ведь, несмотря на нахождение следственных действий в компетенции внесудебных правоохранительных органов полицейского типа, они фактически остаются действиями судебно-следственного характера (российским аналогом «классической» французской категории «actes d'instruction») и позволяют формировать и депонировать для предстоящего судебного разбирательства полноценные до-

---

[1] См.: *Статкус В. Ф.* Следователь по особо важным делам. М., 2007. С. 43; *Волынский А. Ф., Волынский В. В.* Новый УПК Украины – ответ на вызовы современной преступности или…? // Российский следователь. 2013. № 5. С. 39–43; и др.

[2] См.: *Шейфер С. А.* Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 11. *Семенцов В. А.* К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 53.

[3] Подробнее об этом см.: *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 21–46.

казательства, равные по юридической силе доказательствам, полученным самим судом. Таким образом, по уровню процессуальных гарантий требования, предъявляемые к производству следственных действий, должны не просто не уступать, а даже превосходить правила судебного собирания и исследования доказательств. Поэтому еще советский законодатель стал придавать формализации следственных действий повышенное значение, чтобы «компенсировать» внесудебный характер соответствующих результатов и обеспечить их юридическую доброкачественность в условиях, предполагающих возложение юрисдикционных (судебно-следственных) полномочий на правоохранительные органы полицейского типа.

Установленный УПК РФ правовой режим следственных действий, напоминающий порядок реализации полномочий «классическим» французским следственным судьей и предполагающий помимо всего прочего элементы гласности (открытости), является неоспоримом благом национальной системы предварительного расследования, важным «противовесом», обеспечивающим хотя бы частичное сглаживание противоречий национальной модели досудебного производства. Присущая следственным действиям строгая процессуальная форма, позволяющая заинтересованным лицам активно участвовать в их производстве (задавать вопросы, завялить ходатайства, высказывать возражения, знакомиться с протоколами, вносить в них замечания, пользоваться иными правами), а суду – в дальнейшем проверять и оценивать доброкачественность соответствующих результатов, – это последний шанс российской системы предварительного расследования на сохранение какой-либо внятной и логичной концепции. Это та самая «соломинка», за которую законодателю надлежит держаться буквально «обеими руками», чтобы окончательно не свести уголовное судопроизводство к неоинквизиционному типу, не превратить предварительное расследование в непроцессуальную деятельность правоохранительных органов и одновременно наделить их юрисдикционным полномочиями, связанными с собиранием изначально полноценных (допустимых) и пригодных к использованию в судебном заседании доказательств.

Список литературы

1. *Баев М. О.* УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособие / М. О. Баев, О. Я. Баев. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – 57 с.

2. *Шейфер С. А.* Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий / С. А. Шейфер // Вестник Самарского госуниверситета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 11–22.

3. *Кальницкий В. В.* Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе / В. В. Кальницкий // Законы России, опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 76–86.

4. *Статкус В. Ф.* Следователь по особо важным делам / В. Ф. Статкус / под общ. ред. И. Н. Кожевникова. – Москва: ИнтерКрим-пресс, 2007. – 446 с.

5. *Волынский А. Ф.* Новый УПК Украины – ответ на вызовы современной преступности или…? / А. Ф. Волынский, В. В. Волынский // Российский следователь. – 2013. – № 5 – С. 39–43.

6. *Шейфер С. А.* Система следственных действий: каковы пути ее развития / С. А. Шейфер // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 5–16.

7. *Семенцов В. А.* К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами / В. А. Семенцов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 48–57.

8. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С. Б. Россинский. – Москва: Норма, 2021. – 408 с.